

Жабы и окна

После того дня произошло ещё несколько событий, но для Ремуса все было как в тумане. Дамблдор произнес речь. Еда волшебным образом появлялась на столах - и, хотя она была бесспорно вкусной, Ремус уже тогда заскучал по маминой стряпне. Они с Питером немного поговорили, но в основном обсуждали всё то же, о чем говорили во время поездки на поезде. А Паттл был очень любезен, но он явно был любезен с Ремусом только для формальности.

Ремус знал, что он должен чувствовать себя счастливым от того, что едет в Хогвартс. Он был взволнован, действительно был взволнован. Он должен был наслаждаться каждой минутой... но на самом деле он был совершенно ошеломлен. И он не мог вынести всех этих взглядов, которые бросали на него учителя. Было довольно утомительно избегать это.

Он не мог радоваться окончанию пира, так как пришло время отправляться в общежитие. Паттл начал уводить гриффиндорцев, и Ремус с радостью (наконец-то он её ощутил) последовал за ним. Но не успел он отойти далеко, как вдруг почувствовал запах лимонов и обернулся.

Конечно, прямо за ним стоял профессор Дамблдор. "Ремус. Не мог бы я поговорить с тобой в моем кабинете", - сказал Дамблдор.

"Уже есть проблемы? В свой первый день?" - спросил Паттл. "И ты уже в первый в списке на разговор с директором?"

"Ремус ничего не сделал!" - сказал Питер. "Он был со мной все это время!" Ремус почувствовал прилив благодарности к Питеру - хотя он был совершенно уверен, что тот знает, о чем идет речь. Он не думал, что у него были проблемы.

Ну, он надеялся, что у него нет проблем, хотя полагал, что все возможно. Он начал прокручивать в голове все свои действия за последние двадцать четыре часа. Сделал ли он что-нибудь не так?

"С ним всё будет хорошо, не беспокойтесь", - сказал Дамблдор, успокаивая при этом тревожные мысли Ремуса. "Я приведу его обратно в общежитие, когда закончу. Сюда, пожалуйста".

Ремус последовал за Дамблдором по коридору, чувствуя себя очень маленьким. Неужели он не мог нормально пройти в свою комнату? Почему он должен был так выделяться на фоне остальных? Глупо было даже думать о том, что он обычный одиннадцатилетний студент Хогвартса.

"Чем ты озабочен, Ремус?" - тихо спросил Дамблдор, и Ремус вздрогнул.

"Ничего страшного, сэр; я просто устал".

"Понятно. Кстати, поздравляю с поступлением на Гриффиндором".

"Спасибо, но..."

"Но?"

"Я не думаю, что Шляпа правильно меня распределила".

Дамблдор рассмеялся, оставив Ремуса чувствовать себя довольно глупо. "Она никогда не ошибается, мой мальчик. Что она тебе сказала?"

"Она определила меня в Гриффиндор только из-за замечания, которое я сделал".

"И какое же?"

Ремусу вдруг стало стыдно. "Я... возможно, угрожал сжечь её свечой, сэр".

"Сжечь её... свечой?"

"А потом скормить его гигантскому кальмару".

Дамблдор выглядел так, словно изо всех сил старался не рассмеяться. "Что ж. Совершенно понятно. Что она ответила на это?"

"Она сказала, что не думает, что я и мухи не обижу", - сказал Ремус, а затем - прежде чем он смог остановить себя - "Иронично, не так ли?".

Ремус не смотрел на Дамблдора, но он мог слышать улыбку в голосе Дамблдора, когда он сказал: "Я вовсе так не думаю, Ремус".

Ремус пнул несуществующий камень. "Это было глупо, профессор. Я должен быть в Пуффендуе", - сказал он, хотя он все еще думал, что наличие оборотня в Пуффендуе всё ещё плохая идея. Впрочем, оборотень в Хогвартсе не лучше, так что Ремус полагал, что он не может рассуждать на этот счёт.

"У Шляпы есть свои причины. Просто у нее много учеников, и она не сможет объяснить свой выбор каждому из них".

Ремус вдруг почувствовал себя эгоистом.

"Однако я скажу тебе, что Шляпа не сортирует тебя по тому, какой ты есть. Она сортирует тебя по тому, кем ты можешь быть и, что еще важнее, кем ты хочешь быть. Я полагаю, что храбрость - это твоя ценность, после всего, через что ты прошёл".

"Мне все равно! Я хотел иметь личность, отличную от... этого".

"Да, и эта личность - то, что ты должен выяснить для себя. Гриффиндор, я думаю, поможет тебе в этом. Лимонный леденец".

Ремус подумал, что Дамблдор предлагает ему сладкое, и покачал головой, но оказалось, что лимонный леденец был своего рода паролем. Две довольно уродливые горгульи удалились, чтобы пропустить Ремуса и Дамблдора в дверь из красного дерева. "Следуй за мной, мистер Люпин".

Ремус так и сделал, и, войдя внутрь, был встречен женщиной. Это была явно целительница, судя по запаху различных зелий, которые Ремус, к сожалению, знал слишком хорошо.

"Ремус, это мадам Помфри". мягко сказал Дамблдор, и мадам Помфри напряженно кивнула. Ремус подумал, не боится ли она его.

"Я разговаривала с вашей матерью на прошлой неделе, мистер Люпин", - сказала мадам Помфри. "Она сказала мне, что ваши травмы в понедельник утром будут довольно обширными".

Ремус кивнул, пристыженный, и сел на стул. Он обхватил руками грудь, но это не помогло справиться с тошнотой, поднимавшейся в желудке. Он не любил говорить о таких вещах, но знал, что придется - ведь полнолуние не остановить. Это была единственная неизменная в жизни Ремуса.

"Я думаю, что сейчас самое время обсудить наши планы на оставшееся время твоего пребывания здесь, - сказал Дамблдор, - если ты не против, Ремус. Если ты чувствуешь себя подавленным, то мы вполне можем подождать до завтрашнего полудня".

Это было бы непрактично, учитывая, что все они были в одном месте. "Сейчас - это прекрасно", - сказал Ремус. "Мой отец волнуется до смерти. Он хочет получить письмо о договоренностях как можно скорее. Он умирает от ожидания, и может надеть глупостей, за которые потом мне будет стыдно".

Челюсть мадам Помфри дернулась, и Ремус подумал, не сказал ли он что-то невежливое.

"Мы поступим следующим образом", - сказал Дамблдор, как всегда невозмутимый. "Я посадил дерево на территории Хогвартса. Оно известно как..."

"Гремучая Ива", - закончил Ремус, чувствуя себя больным. "Это для меня?"

"Да. Оно, как вы, наверное, знаете... отшлепает любого, кто подойдет слишком близко".

"Этого... сэр, этого... недостаточно...!"

"Я знаю, мистер Люпин, если вы позволите мне закончить. Дерево посажено на вершине тайного хода, который ведет к заброшенному зданию на окраине Хогсмида. Здание сильно зачаровано, уверяю вас. Ничто не сможет сбежать - даже дракон. Утром за вами зайдет мадам Помфри и отвезет вас обратно в Хогвартс. Уверяю вас, это абсолютно надежно".

"Как мне...?"

"Гремучую Иву можно заморозить примерно на двадцать секунд, нажав на определенный сучок у основания дерева. Мадам Помфри покажет вам".

"Что я...?"

"Рассказать своим друзьям? Ну, о чем ты думал?"

У Ремуса еще не было друзей (кроме, может быть, Питера? И, может быть, Джеймса?), он думал об этом довольно много. "Возможно, я мог бы сказать им, что... кто-то из моей семьи болен... и я должен поехать домой, чтобы навестить их?"

"Хорошо. Как насчет твоей матери? Вы достаточно близки с ней, и это будет достаточно правдоподобно. Она, как ты знаешь, не является частью волшебного мира. У людей будет гораздо меньше шансов узнать ее имя и увидеть ее на людях".

Ремус кивнул. Ему не нравилась идея врать о своей семье, но он понимал, что это необходимо.

"Во сколько ты будешь готов идти в воскресенье?"

"В пять-тридцать или шесть", - сказал Ремус. "И я должен придерживаться этого времени каждый месяц; обычно я не... трансформируюсь до... около восьми, независимо от времени года". Ремуса все еще ужасно тошнило.

"Я думаю, что это немного рано, если луна не восходит до восьми", - сказал Дамблдор. "Ты уверен?"

"Да, все в порядке". Дамблдор замолчал, и Ремус сунул руку в карман, чтобы погладить Буфо, который, казалось, засыпал. "Я не люблю спешить, и я думаю, что мне захочется осмотреться. К тому же, время превращения всегда неожиданно".

"Что это значит?" - спросила мадам Помфри. Ремус почти забыл, что она здесь.

"Я не знаю, мадам. Просто это неожиданно". По правде говоря, Ремус не хотел думать об этом, а тем более рассказывать кому-то еще. Он сразу же почувствовал себя виноватым. Ложь всем морочила голову, а мадам Помфри так много для него делала. Она имела право знать если не все, то хотя бы каждую деталь. "Меня трясет. И... опасения. Я не могу сосредоточиться. Ничего страшного, но мне нравится быть одному, и я не хочу никуда идти в таком состоянии. К тому же, каждый раз все по-разному. Иногда это... ухудшается".

Ремус имел в виду приступы, которые иногда случались в час, предшествующий полнолунию. Они длились всего несколько секунд, и случались не каждый месяц, но ощущения были ужасными. Он не был уверен, что именно это такое. Они были болезненными, пугающими и в целом неприятными. Мадам Помфри выглядела так, словно хотела задать еще несколько вопросов, и Ремус молился, чтобы она этого не сделала.

"Не могли бы вы рассказать мне о ваших травмах после луны, чтобы я знала, с чем мне придется иметь дело? Ваша мать обрисовала это для меня, но, ну... матери, как известно, преувеличивают, и я бы хотела услышать это от вас".

Ремус боялся этого. "Каждый раз по-разному, мэм", - медленно сказал он. "Но это довольно ужасно, мне кажется".

"Вам кажется?" - повторила мадам Помфри.

Ремус пожал плечами. "Это неудобно, но не опасно для жизни. Я... не стал бы убивать себя... при полной луне. Знаете, инстинкты". Он замолчал, не в силах продолжать. Он не хотел думать об этом.

Мадам Помфри кивнула. "Ваша мать была гораздо более драматичной. Я полагаю, что вы не такой, хотя, судя по тому, что она мне рассказывала. Я знаю, какими бывают мальчики. Я подготовлюсь к чему-нибудь среднему".

Мама Ремуса разговаривала с мадам Помфри в Косой Аллее за несколько недель до того, как Ремус пошел в школу, и она часами говорила о том, какая она добрая и понимающая. Ремус до сих пор не знал, как относиться к мадам Помфри. Ему не нравилась мысль о том, что кто-то, кроме его отца, будет лечить его после полнолуния - он не хотел, чтобы кто-то видел его таким. Но Ремус был благодарен хотя бы за то, что она сравнила его с другими мальчиками. Она не казалась Ремусу испуганной, просто строгой и немного тихой. Она действительно казалась милой, если прищуриться, хотя, возможно, не такой доброй, как описывала его мать.

"Что-нибудь еще мы должны знать?" - спросила мадам Помфри.

"Я так не думаю. Спасибо. Огромное."

Дамблдор улыбнулся, но на этот раз его глаза не блестели. "Это самое малое, что мы могли сделать. А теперь, почему бы мне не проводить тебя в твою комнату? Полагаю, твои соседи уже

заселились".

Ремус кивнул, но прежде чем они начали идти, Буфо проснулся из кармана Ремуса.

КВАА.

"Буфо!" - выругался Ремус. "Следи за своими манерами!"

"У тебя... что-то в кармане?" - спросила мадам Помфри. Ремус очень надеялся, что она не боится земноводных существ.

"Да. Моя жаба, Буфо. Он спал". Ремус достал Буфо из кармана, чтобы представить его мадам Помфри. Мадам Помфри покраснела. Ремус предположил, что она все-таки боится земноводных существ.

"Какое... милое создание". У мадам Помфри слабость в коленях.

"Вообще-то, он довольно уродлив", - поправил Ремус. "Ладно, можете сказать это - это не заденет его чувств. Думаю, он этим гордится. Передавай привет, Буфо".

Кряк.

Дамблдор выглядел забавным. "Какая воспитанная жаба", - сказал он. "Я не часто вижу их такими самодовольными".

"Я думаю, он просто ленивый", - сказал Ремус, - "но все равно спасибо".

Они втроем начали идти по коридорам, мадам Помфри держалась на некотором расстоянии от Ремуса. Ремус не знал, от кого она держалась подальше - от него или от Буфо. Он надеялся, что это был Буфо.

Наконец они добрались до Гриффиндорской башни, и Дамблдор попрощался с Ремусом. "Увидимся завтра за завтраком", - сказал он. "Не забудь прийти вовремя".

"Надеюсь, мне я увижу вас только в воскресенье, - сказала мадам Помфри, - но никогда не знаешь, учитывая уроки полёта на метле и все такое. Я сто лет умоляла Дамблдора исключить полеты из учебного плана, но, увы, безрезультатно". Она бросила на Дамблдора строгий взгляд, и Ремус постарался не рассмеяться.

"Спасибо вам обоим", - сказал он. Он открыл дверь в свою комнату и шагнул внутрь, неловко махнув рукой, когда закрывал за собой дверь и слушал, как стихают шаги взрослых. Он чувствовал за собой три пары глаз и различал три разных запаха - Питер и Джеймс были двумя из них. Он обернулся.

"Питер! Джеймс!" - крикнул он. Питер и Джеймс действительно были там, Питер сидел на самой левой кровати, а Джеймс - возле двери.

"Привет, Ремус! Я вижу, ты все такой же прелестный, как всегда!" - сказал Джеймс.

"Ремус!" сказал Питер, ухмыляясь как сумасшедший. "Не могу поверить, что ты тоже здесь! Позволь мне представить тебя! Это Джеймс, но я думаю, ты его уже знаешь... Откуда ты его знаешь?"

"Мы встретились у мадам Малкин", - сказал Ремус, - "после того, как мадам Малкин чуть не

назвала меня милым".

"Хм", - сказал другой голос, в котором Ремус узнал того шумного мальчишку, который поприветствовал Джеймса после сортировки. "Ты не такой уж и симпатичный. У тебя немного суровый вид. И ты выглядишь усталым".

"И кто же ты такой?" - спросил Ремус, притворившись оскорбленным. "Я хочу, чтобы ты знал, что я очень симпатичный".

Блэк рассмеялся. "Мне нравится он, Джеймс! Гораздо более интересный, чем Петтигрю".

Лицо Питера опустилось. "Это только потому, что ты еще не очень хорошо меня знаешь", - защищаясь, сказал он. "У меня много чего интересного есть".

"Конечно, есть", - сказал Ремус, немного ужаснувшись необдуманному замечанию Блэка. "У него есть! Я сидел с ним в поезде".

"Ну, раз ты так говоришь", - сказал мальчик. "Я Сириус Блэк - это пишется С-И-Р-И-У-С. А тебя действительно зовут Ремус?"

"Да. Я не чистокровный, если тебе это интересно. Просто у меня странное имя".

"Значит, грязнокровка?"

Возникла пауза.

"Э... Сириус, ты не можешь так говорить", - осторожно сказал Джеймс.

"Что говорить?"

"Это понятие - магглорожденный. Это... слово, которое ты использовал, расценивается как оскорбление".

"О. Правда?"

Ремус, Питер и Джеймс энергично кивнули.

"Тогда извините. Моя семья постоянно использует это слово так, будто оно ничего не значит". Сириус усмехнулся. Он действительно не выглядел таким уж извиняющимся. "Значит, магглорожденный?"

"Полукровка. Моя мама - маггл". Ремус был полон решимости не судить Сириуса только по крови. То же самое часто делали с ним, и он знал, каково это. "Но ты ведь ничего не имеешь против волшебников, родившихся от магглов?"

"Нет, конечно, нет!" - сказал Сириус. "Просто меня так воспитали".

"Тогда мы ничего не имеем против тебя", - ярко сказал Джеймс. "Извини, Ремус, но мы уже заняли свои кровати. Осталась одна, у окна. Я не знаю, что случилось с этой кроватью, - Джеймс жестом указал на совершенно развалившуюся кровать, - но на ней явно нельзя спать".

Ремус посмотрел на кровать у окна и почувствовал, что у него перехватило дыхание. Кровать была в порядке. Немного меньше, чем остальные, а занавески были потрепаны. Ремус мог понять, почему её никто не выбрал. Но Ремус не спал у окна с четырех лет. После того, что

случилось тогда...

"Может, я могу поменяться с кем-нибудь из вас?" - взмолил он.

"Извини, приятель. Кто успел, тот и съел. Верно, Петтигрю?" - сказал Сириус.

"Точно!" - радостно сказал Питер, и Ремус понял, что теперь у него нет шансов поменяться с кем-либо.

Ремусу удалось переодеться в маленьком туалете, пристроенном к комнате, и его соседи не стали его дразнить. Очевидно, Питер сделал то же самое, но Ремус подозревал, что совсем по другой причине.

Наступило время сна, и Ремус старался не обращать внимания на шепот Джеймса и Сириуса. Это оказалось непросто, когда Сириус в точности изобразил Дамблдора, и Ремус не смог скрыть своего смеха.

"Ремус! Присоединяйся к нам, мы не собираемся ложиться спать в ближайшее время!"

"Нет, я лучше посплю. Не хочу засыпать на уроках; думаю, МакГонагалл меня убьет".

"Хорошая мысль", - серьезно сказал Джеймс. "Она действительно похожа на женщину, которая может наложить злобный Бэт-Боги-Хекс. Я тоже буду спать, Сириус, если ты не возражаешь. Я очень устал после всего этого".

"Хорошо, тогда. Спокойной ночи, Джеймс и Ремус. Спокойной ночи, Петтигрю... о, он заснул, не так ли?". Питер действительно заснул; он храпел так громко, что Ремус и не думал, что это возможно.

"Спокойной ночи", - прошептал Ремус в ответ.

Он плотно задернул шторы, перевернулся на бок, свернулся калачиком под простыней, сильно зевнул и попытался заснуть.

Не получилось.

Через некоторое время он услышал ровное дыхание Джеймса и Сириуса и понял, что они заснули... но сам не смог. Окно рядом с его кроватью занимало все его мысли. Даже когда он закрывал глаза, он все равно чувствовал его - и каждый раз, когда он думал о нем, он вспоминал разбитое стекло, оборотня с клыками, шерстью и когтями, боль в левом плече - боль везде...

Ремус попытался вспомнить Дамблдора и его мерцающие глаза. Он пытался думать о Буфо, который спал рядом с его кроватью. Он пытался думать о маме и папе. Ничего не помогало.

Два часа спустя Ремус был полностью разочарован. Он откинул шторы и уставился на стену, всерьез подумывая о том, чтобы бросить что-нибудь.

"Эй, Ремус. Все еще не спишь?" - спросил Джеймс.

"Я тебя разбудил?" тихо спросил Ремус.

"Не беспокойся, я очень крепко сплю. Что тебя беспокоит?"

"Ничего, просто это был... долгий день".

"Расскажешь мне об этом. Я снова спать. Приятных снов."

Ремус кивнул и вернулся к тщетной борьбе со сном.

Он не был уверен, когда заснул, но проснулся весь в поту. Нет, это был не пот, это были слезы. А может, это был пот. Ремус не знал, но чувствовал он себя совершенно ужасно. Он приложил руку к окну, чтобы убедиться, что оно все еще цело. Так и было. Значит, это был кошмар, слава богу.

Джеймс снова проснулся. "Что за черт, Ремус. Ты точно в порядке?"

"Кошмар. Джеймс, можно мне..." Ремус подумывал о том, чтобы снова попросить поменяться кроватями, но решил не делать этого.

"Да?"

"Ничего."

"Спи, приятель".

И Ремус заснул, но его сны были полны страха, его сердце было полно тоски по дому, и в целом спать было некомфортно.

Дурацкая луна.

<http://tl.rulate.ru/book/67209/1785828>